

18+

ДАР небес

КЕЙТ РИНКА

Кейт Ринка

Дар небес

«Автор»

2010

Ринка К.

Дар небес / К. Ринка — «Автор», 2010

Свет и тьма – извечное противостояние небес и ада, духа и тела, двух человеческих начал. И лишь любовь несет в себе равновесие, соединяя две противоположности в одно органичное целое. Из ночи в ночь скитается по миру Падший ангел, собирая проклятые души и нарушая равновесие, которое способна вернуть лишь чистая душа. Но как же быть Падшему, если он находит ее? И когда она оказывается его противоположностью, второй половиной и прекрасным дополнением. Отпустить? Уничтожить? Или же... позволить любить, вопреки всему, кроме простой истины: любовь есть дар небес...

© Ринка К., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Кейт Ринка

Дар небес

«...когда Тьма начнет поглощать Свет, да родится Чистая душа, и да будет поражена Тьма ее чистотой, и да вернется равновесие и встанет все на круги своя...»

Книга Великого Пророчества, ч.7, гл.7, п.7.

Глава 1

Взмах широких крыльев. Шелест ветра в ночной тишине спящего города. И небо дышит отчаянием, осенью и дождем.

Он парил в воздухе, взирая с высоты на яркие огни, но не искусственное освещение это было. Яркими светящимися пятнами были души – души живых существ. Он видел каждую, он чувствовал их всех, и именно ради них он прибыл сюда – Падший Архангел, собиратель душ для топки ада.

И кого бы из грешников, которых отметил Дьявол, забрать сегодня первым?

Архангел мягко ступил на асфальт, и черные крылья с тихим шорохом сложились за его спиной. Каждое перо стало уменьшаться в размерах, переливаясь отблесками серебра в свете полной луны, пока не исчезли вовсе, прячась в его теле. И уже почти ничто не отличало его внешне от обычного человеческого мужчины со смуглой кожей и крепким торсом, лишь... глаза. В этих глазах отражались языки адского пламени, которые вспыхивали во тьме его сущности. В них можно было увидеть саму смерть, ведущую дорогой в Ад, и звенящую пустоту, с разрывами жара и боли, из которых сочился немой крик сплетенных голосов сотен отвергнутых душ.

Архангел осмотрелся, замечая, как воздух около него начал уплотняться и чернеть, поблескивая красно-оранжевыми искрами. И из этого сгустка выкатилось два небольших демона с коричневой кожей, длинными треугольными ушами, большими глазами и острыми зубами, маленькими рожками в три сантиметра и наконечником на конце хвоста.

– А ну отдай! – закричал один другому, усердно перетягивая на себя черную ткань плаща. – Сейчас моя очередь.

Архангел спокойно наблюдал за привычной сценой, которую устроили его ближайшие прислужники.

– Нет моя! – закричал второй, изо всех сил упираясь когтистыми лапами в асфальт, да натягивая на себя ткань тонкими и кривыми пальцами.

Ни Буч, ни Чип не уступали, продолжая тянуть плащ с обеих сторон и скалиться, сверкая черными глазами. Чип закричал, ослабляя хватку и, набрасываясь на Буча, укусил за руку. В этот момент из уплотнения выскочили еще двое таких же отродий, Бабл и Флип, толкая друг друга с высунутыми языками и довольными мордами. Приземлившись точно на первых, они с удовольствием и без разбора влились в общую суетливую, рычащую и грызущуюся кучу, которая покатила по асфальту, заматываясь в ткань, так что можно было разглядеть только мелькающие конечности.

Рэмизель молча подошел к ним и протянул руку. Куча мгновенно замерла, и пять круглых глаз, которые смогли выглянуть из-под ткани, уставились на него. Буч держал в зубах чью-то ногу, Бабл жевал ткань, а остальные двое так крепко обнимали друг друга, что прижимались даже пухлыми щеками.

Черти...

Рэмизель пошевелил пальцами на манер – «поторапливайтесь», и четверка встрепенулась, размоталась и разбежалась по сторонам. Они быстро растянули плащ, встряхнули его, плюнули на грязь, растерли лапами, и выстроились в вертикальную пирамиду. Оказавшись сверху, Флип невинно улыбнулся во все свои длинные, кривые зубы, и расправил плащ, предлагая ему просунуть руки в положенное им место.

– Прости, хозяин...

– Да, прости нас... – отозвался снизу Бабл.

Но Флип пнул его ногой и наступил на глаз:

– Да заткнись ты, обмолтыш, сейчас я разговариваю.

– Эй, вы там, наверху! – крикнул Чип, стоящий на асфальте, и заставляя покачнуться всю акробатическую фигуру, – давайте быстрее, я не собираюсь вас держать до Второго Пришествия.

Буч захрюкал от смеха, раскачивая всех еще сильнее. И прежде чем четверка с криками повалилась вниз, Рэмиэль подхватил у Флипа плащ и сразу одел, заворачиваясь в него одним легким движением. А набросив капюшон, он пошел по улице, прекрасно зная, что эти демонята непременно поплетутся за ним, по пути продолжая кривляться. Но ему ли жаловаться. Рэмиэлю было все равно, что они делали и как, лишь бы исполняли его приказы. Хотя, возможно, и не нужно было их брать с собой к людям так часто, потому что эти черти многое от них переняли и взяли манеру подражать.

Лос-Анджелес... Давно он здесь не был. Рэмиэль любил землю, и любил людей, так, как любит кролика повар, перебирая в памяти все рецепты приготовления его тушки. Ему нравилось наблюдать за противостоянием двух начал в живом существе, и за тем, как они поддаются искушениям.

О, он прекрасно знал, что такое искушение. Ведь когда-то он был другим... когда-то, давным-давно у него были другие крылья, с белыми перьями. И он парил под самым сводом Небес, и совсем другие чувства заполняли его. Вернее, когда-то у него были чувства, но Ад почти все в нем выжег, оставив внутри нетлеющий пепел, который разъедал и терзал, не позволяя забыть о своем грехопадении.

Рэмиэль неспешно шагал по улице к очередному грешнику, продавшему Дьяволу душу. Такие души уже не светились, как остальные. Они тускло пульсировали, покрываясь черными пятнами. И задачей Рэмиэля было забрать ее и отправить в Ад. В последнее время это приходилось делать слишком часто, почти бесконечно, потому что Дьявол решил действовать. В Аду стало жарко, как заметил однажды Чип. Высшие демоны посчитали, что человек больше недостоин прощения за большую часть своих грехов. Равновесие медленно нарушалось, и это будет продолжаться, пока Рэмиэль пополняет Царство Тьмы. Чем больше у них душ, тем сильнее Тьма и мощнее ее армия. Назревала решающая битва, и две стороны замерли, будто в предвкушении, прислушиваясь друг к другу. Затишье перед бурей. За все его существование такого еще никогда не было. И Рэмиэль был уверен – грянут перемены.

Но усомниться Князю Тьмы в своей победе мешало Великое Пророчество о Чистой душе. Только она могла все изменить и вернуть равновесие. И эта душа уже появилась на свет и была спрятана в теле человеческого существа. Но вот проблема – ни в Аду, ни в Раю не знали, в чьем именно теле она сокрыта. И с тех пор, как Небеса коснулись дланью своей этого существа, обе стороны принялись искать ее. Только как найти душу, которая не желает, чтобы ее находили, которая не привлекает к себе внимание и сливается с другими, не достойная Рая, но и не заслужившая Ада? Она нейтральна, как большинство душ. Ее не видно, ее не слышно, и будто не существует вовсе. Но каждый Демон и каждый Ангел чувствовал ее незримое присутствие. И все опасались того, что может сотворить эта душа, достанься она не им.

Рэмиэль не сбавлял темп твердых шагов, двигаясь почти незримо для людей. Не каждому было дано его лицезреть, а непрошенные и прозорливые взгляды он свободно от себя отводил. Никто из ночных прохожих его не видел и просто не смотрел в его сторону, как и в сторону демонов, смеющихся, кричащих и спорящих за его спиной. Рэмиэль заметил, что пока они шли, Флип успел заглянуть под юбку молодой женщине, напугав ту до истерики. Буч поставил подножку прохожему, долго смеясь над тем, как тот сел в лужу. Чип проверил сумку одной женщины и теперь доедал ее губную помаду. А Бабл взобрался ему на плечо и глазел по сторонам, нашептывая свои грешные замечания.

– О-о-о... смотри-смотри, какие глазищи у этой дамочки, – присвистнул демон, высывая свой длинный язык и смотря на грудь прохожей, девушки со светлыми волосами. Слюна

капнула Рэмиэлю на плечо. – А можно мне ее лизнуть? А? Можно-можно? – нетерпеливо спросил Бабл, топчась на его плече и провожая земную плоть девушки голодным взглядом.

– Нет, – коротко ответил Рэмиэль, чем вызывал хорошо сыгранную обиду – демон схватился за кончики своих ушей, оттянул их вниз и заревел горькими слезами:

– Ну почемууууу!?

– Потому что я так сказал, – ответил он.

Рэмиэль смахнул его с плеча и ступил на лестницу жилого небоскреба, замечая в отражении стеклянной двери, как демон показывает ему кулак в спину, потирая ушибленный зад. Так ему и надо, не будет лезть под руку, хотя... нет, он все равно будет так делать.

Душа грешника пульсировала и манила. Она была его личным искушением, каждая из них была теперь его искушением. Но так было не всегда. Это искушение он перенял уже после своего падения, как наследие Ада, как жажда, которую заклеил в нем Дьявол, чтобы он охотнее выполнял свое поручение. О, надо ли говорить, что Князь – великий искушитель?

Переместившись в пространстве, Рэмиэль оказался в жилище своего грешника. Алчность – вот грех этого человека, и он продал свою душу, чтобы утолить ее, и убранство его обиталища об этом кричало. Эта квартира, как и все в ней, вплоть до дорогой проститутки в спальне – лишь немного из тех материальных благ, что он имел. Шик и блеск, красота и роскошь, все земные блага – Рэмиэль знал, что это такое и как оно важно для людей. Он во многом понимал их, и он сочувствовал этим грешникам, обреченным слепцам, запертым в клетку своей брэнной плоти.

Слушая громкие охи и вскрики, которые доносились из спальни, Рэмиэль прошелся по просторному залу. Всюду эксклюзивная мебель, большой аквариум у стены, сплошной антиквариат. Рэмиэль никогда не переставал наблюдать за тем, как живут люди. Это было... интересно. Что они чувствуют, что думают, что делают, и что ими движет? И каждый человек был по-своему интересен, уникален, и многое менялось после каждого нового вдоха этого сотворенного мира.

Рэмиэль не спешил. Спешка была ни к чему. И пока его меченый грешник напоследок предавался плотским утехам, Рэмиэль рассматривал вещи, заметив на стене картину. В центре был большой котел, в котором на огне варились люди с лицами, искаженными от ужаса и боли. Большой и красный рогатый демон помешивал вилами этот котел, а демоны поменьше веселились внизу, подкидывая в костер угли и поленья. А над этим всем расстилалось голубое, чистое небо, и Ангелы парили в нем, расправив свои белые крылья... Рэмиэль отвернулся, и картина вспыхнула огнем. Слишком уж явно она ему кое о чем напомнила.

Откинув назад полы плаща, Рэмиэль сел в кресло напротив широкого окна и закинул ногу на ногу, скрипя черными кожаными штанами – как бы то ни было, а люди и на него оказали материальное влияние, в плане одежды, например. В этот же момент на пол рухнула догорающая рама картины. А уже вскоре в спальне все стихло. Открылась дверь и к нему вышел маленький и толстый мужчина. Он сделал пару шагов, как раз в сторону Рэмиэля, поднял голову и увидел его, замирая, взрываясь страхом, вглядываясь в темноту и судорожно прижимая халат к обнаженному телу.

– Кто вы? И как сюда пробрались?

Рэмиэль отбросил назад капюшон, и мужчина крикнул, пятясь назад. Он споткнулся и завалился на журнальный столик. Страх перешел в панику.

– Это все не важно, Джон, – сказал он человеку. – Твое время пришло.

Падший Ангел с черными крыльями сидел у золотистых Небесных Врат, виднеющихся сквозь пушистые облака, и протягивал к ним руку. На лице – отчаяние, в глазах – мука, в позе – великое страдание всего мира. Этот миг был изображен на картине, висевшей на стене выста-

вочного зала «Модерн-холл». И это была ее фантазия. Она стояла перед своим творением, и сочувствие разливалось в душе. Этот Ангел для нее был словно живой, настоящий, тот, кого она знала и чью боль ощущала, как свою. С ней всегда так было. Она знала каждого из своих... созданий.

– Красивая картина, не правда ли? – спросил мужчина в очках, стоящий рядом с ней.

– Да, – улыбнулась она в ответ.

– Вы знаете, я тут уже около двух часов, и я поражен каждой из них, – сказал он, придвигаясь к картине и повнимательнее приглядываясь к деталям. – Я слышал, что художнице всего двадцать пять лет, и просто удивительно, что можно в таком возрасте рисовать столь проникновенные картины, словно бы... – он пожал плечами, – ...словно бы она действительно встречала Ангелов.

Лица мягко и аккуратно положила руку ему на предплечье, привлекая внимание, и сказала, глядя в распахнутые глаза:

– Спасибо.

Мужчина издал удивленный возглас, но она не решилась что-то добавить или пояснить, а с улыбкой развернулась и пошла к выходу из зала.

Действительно ли она видела Ангелов? Нет. Вживую никогда. Но они существовали в ее сознании, в ее душе, внутри нее – Ангелы и Демоны, добрые и злые, счастливые и несчастные. А перенося этих созданий на холсты, она просто рассказывала о них людям.

Покинув выставочный зал, Лица зашла в служебный лифт и нажала кнопку. Она взглянула на свое отражение в широком зеркале, придирчиво рассматривая белую блузку, и случайно замечая пятно синей краски на серой юбке от делового костюма. Вот так всегда! Стоило надеть приличную вещь, как та сразу же оказывалась испачкана следами ее творчества. Она смахнула с лица пепельную прядь, щекотавшую нос, и глубоко выдохнула – недостатки в одежде совсем не повод, чтобы из-за этого расстраиваться.

Лифт остановился, и Лица шагнула в открытые двери, попадая в приемную апартаментов владельца «Модерн-холл», где ее встретила милая секретарша с золотистыми кудряшками и приветливой улыбкой.

– Добрый день, мисс Мун, мистер Свон вас уже ожидает.

– Спасибо, Тина. Как твои дела? Как семья? – спросила Лица, неторопливо шагая к двери кабинета.

– Прекрасно, спасибо, мисс Мун.

Она кивнула, повернула ручку двери и зашла в просторный кабинет, встречая взглядом улыбающиеся зеленые глаза мистера Свона.

– А вот и наша талантливая красавица, – сказал он, поднимаясь с дивана и направляясь к ней.

Мистер Эндрю Свон был невысоким пожилой мужчиной с добрым сердцем, но железной волей и деловой хваткой.

– Анжелика, дорогая, ты задержалась.

– Простите, – ответила Лица, виновато улыбаясь ему и своему менеджеру – Бетси, которая кашлянула в сжатый кулак, чтобы скрыть довольную ухмылку. – Не смогла пройти мимо картин.

– Понимаю, милая, твоими творениями можно любоваться часами. Проходи, мы только что заключили хорошую сделку. – Эндрю подвел ее к третьему члену их компании, которым оказался молодой, высокий мужчина в шикарном костюме, и который вежливо встал и улыбнулся, нагло, дерзко, вызывающе, так что улыбка отдавала фальшью и... этот мужчина... по спине Лики пробежал холодок, и она сглотнула, прогоняя внезапную дурноту.

– Хочу представить тебе – Томас Смит.

– Мисс Мун, – произнес Томас. – Рад знакомству.

Он протянул ей руку, и Лика перестала дышать. Этот мужчина был грешен, как сам Дьявол. Гордыня, ложь, разврат, алчность – это лишь то небольшое, чем он мог «похвастаться». Лика не знала, откуда в ней взялось понимание всего этого, и уже давно не задавала себе подобные вопросы. Она просто это ЗНАЛА, чувствовала, видела... Вокруг Томаса клубилась чернота, вырываясь изнутри грязными щупальцами. Они пульсировали и меняли форму. А на ладони протянутой руки горело клеймо – витиеватый символ, изогнутая буква алфавита, который не знал ни один человек, начальная в имени Сатаны, и вокруг которой были рассыпаны крохотные знаки – печать Дьявола. И это все видела лишь она одна. Ее дар или же проклятье? Она не имела понятия, зато знала, что нужно с этим сделать. И не просто знала, Лику потянуло навстречу этой тьме с желанием помочь, спасти, подарить...

Прикоснувшись своей ладонью к его, Лика сжала пальцы сильнее, чем было предусмотрено этикетом. Заглянув в ее глаза, мужчина быстро потерял фальшивую улыбку. Он не понял этого жеста, но наверняка что-то чувствовал. Внутри Лики вспыхнула искра белого света, который побежал по протянутой руке, от нее к нему, поглощая, разбивая печать, сплетаясь и смешиваясь с его чернотой, и даруя право на искупление. Глаза мужчины широко раскрылись, кожа побледнела, и он шумно втянул воздух.

– Томас? – услышала Лика где-то далеко голос Эндрю. – С вами все в порядке?

Лика отпустила руку мужчины, и машинально потерла ладонью бедро, пытаясь стереть колючий и липкий жар. Это было неприятно физически, но внутри разлилось светлое чувство радости от того, что она смогла помочь кому-то еще спасти свою душу. Пусть это и потребовало немало сил.

Бетси, частая свидетельница таких происшествий, уже стояла возле нее, подставляя для руку опоры.

– Томас! – снова одернул его Эндрю.

Томас вздрогнул, после чего, наконец, оторвал взгляд от лица Лики и посмотрел на мужчину. На лбу проступили капельки пота, которые он протер тыльной стороной ладони и поправил галстук, ослабляя узел.

– Да, простите, сам не пойму, что это со мной, – ответил Томас и, прищурив глаза, с подозрением вновь взглянул на Лику.

Глупый. Он еще не понял, что с ним произошло. Лика ответила ему улыбкой, прошла к дивану с помощью Бетси и присела.

– Дорогая, ты в порядке? – тихо спросила ее менеджер.

– Да, все в порядке, – прошептала она в ответ, стараясь сделать спокойный вдох.

– Перестань уже так пугать меня... – процедила Бет.

– А ну ка, Томас, присядьте, – захлопотал и Эндрю, сажая Томаса напротив Лики. Он налил в стакан воды и подал молодому человеку. – Вот, глотните, должно стать легче.

– Спасибо, – ответил Томас, жадно припадая к стакану.

– Так, какую картину вы купили? – невозмутимо спросила Лика у Томаса.

– О, Анжелика, у Томаса отменный вкус, – произнесла Бетси, – он выбрал «Зарево».

«Зарево»... это была одна из ее любимых картин, где на фоне ало-желтого восхода порхали беззаботные и счастливые ангелы, обнимая друг друга.

– Хорошо, – улыбнулась она в ответ. – Надеюсь, эта картина поможет вам увидеть и оценить истинную сторону любви и добра.

Делая очередной глоток, мужчина поперхнулся. Его глаза снова встретились с ее взглядом. Он понял, что она все знает, но как... откуда...

– Вы так думаете? – нервно спросил Томас, явно вкладывая в этот вопрос еще множество дополнительных.

– Я уверена.

Поставив на стол пустой бокал, Томас еще немного ослабил галстук и повернулся к Эндрю, натягивая на лицо неестественную и широкую улыбку.

– Мистер Свон, спасибо за прием. Мисс Бетси, буду благодарен, если вы пришлете картину в ближайшее время. – Сказал и взглянул на Лику, чтобы осторожно кивнуть, словно неумовимо о чем-то прося. О сохранении его тайны? О прощении? – Спасибо, все картины великолепны. А теперь извините, мне нужно идти.

– Конечно, – ответил Эндрю, вставая вместе со своим гостем и провожая его до двери. – Томас, всегда рад, если тебе понравится еще какая-нибудь картина...

– Лика, ты это и с ним сделала? – тихо спросила неугомонная Бет. – Меня пугает, что ты постоянно хватаешь людей за руки, после чего они начинают себя странно вести.

– Бет, не переживай, ничего плохого я с ним не сделала. Просто... – Лика посмотрела на своего менеджера, не зная, как вложить в простые слова все, что ей бы хотелось сказать. – Мне сложно это объяснить.

Лика взяла пустой стакан, потянулась к графину и налила себе немного воды. Не одному мистеру Смитту хотелось пить после того, что она сделала. А мистер Свон все хлопотал возле своего гостя, не переставая озадаченно коситься в ее сторону.

– Я тебе уже говорила, что ты странная? – с подозрением в глазах спросила Бетси, забирая со стола папку с документами.

– Да, и не один раз. Я творческая личность, и в этом все мое оправдание, – ответила она, показав кончик языка своему любимому менеджеру.

Бет лишь хихикнула в ответ и перевела взгляд на документы.

– О'кей. Именно поэтому я и прощаю все твои причуды, дорогая. Итак, мы сегодня продали «Зарево» и получили неплохую сумму. Куда ее перечислить? Детскому дому Святого Луки или в Городскую Больницу на лечение тяжело больных детей?

– В больницу, – почти на раздумывая, ответила Лика.

В этот раз Детский дом может немножко подождать. А пока Бетси делала какие-то пометки, к ним вернулся мистер Свон.

– Анжелика, – мужчина присел возле нее и взял за руку. – Как твои дела?

От его широкой улыбки вокруг темных глаз собрались морщинки. Он светился счастьем и излучал доброту. За год их знакомства Лика успела полюбить этого старичка – всегда добро-сердечного и приветливого. С ним было приятно общаться, и большим удовольствием рисовать картины для его Выставочного дома. Лика не переставала удивляться, как можно столько прожить и не растерять свою доброту. Но с ним так было. Его мужские морщинистые руки дарили тепло и покой. И Лика ему улыбнулась.

– Хорошо, – ответила она.

– Я рад, очень рад. Так замечательно видеть твою улыбку. Тебе не жаль расставаться со своей картиной?

– Немножко, – честно ответила она.

– Не переживай. Мы обязательно сделаем копию.

– Да, но копия уже не то. В ней не будет...

Не зная, как это объяснить, Лика пожала плечами. Она часто терялась в словах. Четко могла говорить только красками, вырисовывая свои чувства и эмоции мазками на холстах. Слова же были не ее стихией.

– ...души? – закончил он за нее.

– Да, – ответила с радостью от того, что ее поняли.

– Если хочешь, мы можем перестать продавать твои картины.

– О, нет, не нужно. Я нарисую еще много новых. Я же знаю, для кого стараюсь.

– Молодец, ты хороший человек, Анжелика, – искренне произнес Эндрю, пожимая ее руку.

– Спасибо, мистер Свон.

– Ну что ты, не стоит. Бетси, займись тогда картиной сегодня же, – обратился он к девушке, которая просматривала бумаги, искоса поглядывая на них.

– Да, конечно, – сразу восторгалась Бет.

– А пока простите меня, милые дамы, мне нужно сделать несколько важных звонков.

Отпустив ее руку, мистер Свон поднялся и прошел в свой личный кабинет. Проводив его взглядом, Бетси наклонилась и тихо прошептала:

– Нет, вы с этим старикашкой оба какие-то странные.

– Бетси!

Но на этот возглас Бет лишь показала язык на ее же манер, что смотрелось слишком забавно на лице опытного и делового менеджера в стильных очках с черной оправой. Потом широко улыбнулась и встала, поспешив выполнять свою очередную работу.

Странные... Ничего они не странные. Подумаешь, она помогает людям получать прощение за свои грехи, направляя их в нужном направлении. А мистер Свон... он просто самый добрый старикашка, которого она когда-либо встречала.

Глава 2

Рэмиэль стоял на вершине одного из самых высоких зданий Лос-Анджелеса, втягивая носом запах, который приносил ветер. Но он почти ничего не чувствовал. Порывы ледяного вихря били по лицу и трепали полы его плаща. Но Рэмиэль едва ли чувствовал и этого. Он только знал, что ветер – холодный, колющий, пропитанный чьим-то гневом, подхваченным по пути. А внизу простирался вечерний город, усеянный сотнями, тысячами светящихся точек, душ, которые блуждали по земле, предаваясь страстям. И звуки. Снизу доносились тысячи различных звуков, сливаясь в один монотонный гул или рассыпаясь на отдельные нотки – это зависело от того, как он сам хотел их слышать, стоило только заглушить в сознании все истощенные звуки Ада, которые уже давно его не покидали.

– ...о, да, очень красиво. Мне тоже понравилась эта картина. Там такие Ангелы... и крылья, как настоящие, черные и белые...

– ...ага, я как увидела, сначала не поверила, что это рисованные, я думала это фотографии...

– ...правда? Надо сходить...

Выслушав все, что хотел, Рэмиэль отпустил голоса. Картины с Ангелами? На это стоило бы взглянуть. Он мог бы в этом городе занять себя еще хоть чем-то, помимо того, что было запланировано на эту ночь. Его уже «ждали» и манили те, кто даже не подозревал о его существовании.

Очередной порыв ветра ударил Рэмиэлю в лицо, почти стаскивая плащ, и он позволил ткани спокойно соскользнуть с его рук. Позади сразу же послышались возгласы его демонов, которые поймали одежду и не могли никак поделить между собой. Но Рэмиэля не волновала их суетная и бессмысленная борьба, которая занимала все глупое существование этих созданий. Он ступил на край крыши и бросил взгляд на горизонт, где садилось солнце. Небесное светило окрашивало размашистыми алыми мазками чистое небо, на которое все увереннее напознала темнота. Сколько раз в своей жизни он видел такие закаты? Люди еще не придумали таких чисел, чтобы можно было вместить это количество. Как и не было названию тому, что он сейчас чувствовал. Пустота... именно с ней можно было провести отдаленное сравнение. Словно черная дыра поселилась внутри него, и это было бы не важно, если бы не напоминало о себе постоянно, не ныло, не просило чего-то, чего он не мог понять. Он! Архангел! Тот, кому были открыты сотни тайн бытия, не понимал, что с ним происходит!

Он падший. Он грешный. Он выгнан из Рая. Но только ли в этом причина? Казалось, что – да, и казалось, что – нет. Ад давно поселил в нем сомнения и терзания. И найти причину уже казалось невозможным.

– Какая напрасная трата времени, – услышал он скрипучий голос Сахила, демона среднего ранга, который уже вечность путался у него под ногами. – Почему ты не ищешь Чистую душонку, как тебе было приказано?

Крылатая тварь повисла в воздухе, слева от него, выскочив из самых глубин Ада.

Демонята сразу притихли, сбившись в кучу и накрывшись плащом, но при этом с диким любопытством выглядывая наружу немигающими глазами.

– Спешешь лишиться своего жалкого существования, Сахил? – невозмутимо спросил Рэмиэль, даже не глядя на демона. – Я, кажется, предупреждал, что в следующий раз спалю тебе шкуру и крылья.

Взмахнув перепончатыми отростками, демон метнулся по другую сторону от Рэмиэля, подаваясь вперед и приближая к его лицу мощную челюсть, в которой не помещались клыки.

– ОН ждет... – успел прошептать Сахил, прежде чем Рэмиэль повернул к нему голову, отвечая безразличной тьмой на бурлящую ненавистью тьму демона, у которого изо рта постоянно капала черная слюна.

– Пусть ждет, – ответил Рэмиэль, начиная ощущать, как крики из бездны становятся слышны все громче и громче.

Демон отлетел назад:

– Ты собрался перечить своему Хозяину?

– Нет, я собрался сделать тебе больно, Сахил, – ответил Рэмиэль, тряхнув правой рукой и выпуская наружу горячее пламя, которое заплескало на пальцах. – Ты ведь любишь боль, правда? Иначе уже давно перестал бы появляться передо мной.

Сахил ослабился. Чувствовать чужую боль для демона великая радость, а чувствовать свою – невыносимая пытка. Крики в голове Рэмиэля уже перешли в вопли и требовательные стенания. Словно мощным насосом он тянул силы из бездны, но бездна порой приходила вместе с ней.

– Меня послали к тебе, Падший. И ты не имеешь права нападать на Вестника. Это ТАМ ты был кем-то, а здесь ты никто, ты раб и, если расстроишь Хозяина, он подпалит тебе твои крылышки, – сказал демон и снова переметнулся на другую сторону от Рэмиэля. – А уж я постараюсь, чтобы ОН узнал, как верно ты ему служишь...

– Не тебе говорить мне об этом, Низший, – спокойно ответил Рэмиэль, сжимая в кулак языки своего пламени, выбрасывая в сторону руку, раскрывая ладонь и толкая в демона это пламя.

И демон вспыхнул, испуская оглушительный рев, спасаясь бегством во тьму, но даже там продолжая гореть и реветь, не имея возможности потушить этот живой огонь самого Небесного Грома. Огонь, который теперь рождался из глубин адского мрака. И Рэмиэль еще долго слышал этот вой, выделяя из общего гула, пока тот не притих, и пока не стихли вместе с ним и крики отвергнутых душ.

Не такому демону, как Сахил, указывать, что ему делать. Это мелкое отродье настойчиво искушало и нарывалось, чтобы Рэмиэль прекратил его существование. И когда-нибудь это обязательно случится.

Архангел подошел к краю здания и снова взглянул на горизонт. Раскинув руки, он прыгнул вниз, расправляя черные крылья, которые поймали ветер, создавая иллюзию свободы. Один широкий взмах разнес по окрестностям тихий шелест, который могли слышать лишь немногие из людей. Лишь те, кому дано было слышать и кто умел слушать. Лавируя между домами, Рэмиэль смотрел вниз. Дороги, машины, люди... и вечная суета в погоне за смертью.

– ...уже закрыто?

– ...да, выставка работает с десяти утра и до восьми вечера. Мы можем сходить завтра, любимая, не расстраивайся...

– ...но я так хотела посмотреть на Ангелов... так жаль, что мы опоздали...

Рэмиэль взмахнул крыльями и остановился, устремив взгляд туда, откуда это услышал. Молодая пара спускалась по парадным ступенькам небольшого зеркального здания. Картины... Люди снова говорят о картинах. Сложив крылья, Рэмиэль спустился вниз и мягко встал на ноги. Парень и девушка прошли мимо него, с любовью и улыбками на губах заглядывая друг другу в глаза. Отложив на секунду причину своего приземления, Рэмиэль посмотрел им вслед. Эти двое были счастливы, и находились к Небу куда ближе, чем он. Они любили друг друга, и эта любовь очищала и хранила их души. Внутри него вспыхнуло уже привычное ощущение... Он завидовал. Ад! Вот источник всех его недобродетельных чувств. Но с этим он уже давно смирился. Ад давно стал его пристанищем. Только...

Рэмиэль сжал руку в кулак, внутри которого загорелся холодный огонь, начиная лизать его кожу, как языки искусных любовниц.

И только зависть съедала его заживо...

Вполне ожидаемо рядом с ним взорвалось пространство, выплевывая из бездны четырех демонов. Но в этот раз они не успели выяснить отношения. Увидев Рэмиэля, Бабл дико закричал, привлекая к нему внимание остальных. Вся четверка разом взвизгнула и обнялась, так что Чип оказался мордой вниз, пока остальные обнимали его коричневый зад.

– Хозяин зол... хозяин зол... – эхом прошелестело по их губам.

– Э-э-э... а по-моему он просто чем-то расстроен... – тихо добавил Чип, и семь пар разных лап сразу заткнули ему пасть, чуть ли не залезая в глотку, отчего Чип закашлял и начал брыкаться, снова затевая драку.

Рэмиэль сложил за спиной крылья и спрятал их от прозорливых глаз. Он кинул на чертей короткий взгляд, потом еще раз взглянул на молодую пару и, опустив голову, на секунду закрыл глаза, прогоняя эмоции и вспоминая о своем интересе, приведшем его сюда. И вскинув голову вверх, он посмотрел на зеркальное здание, делая шаг в его сторону, мгновенно перемещаясь внутрь, и оставляя своих подопечных в одиночестве возиться на асфальте.

И что же тут так привлекло людей? Кто еще осмелился нарисовать их и выставить на всеобщее обозрение? О, люди часто рисовали Ангелов. Они часто фантазировали, причем порой смело и отвратительно, а порой нежно и прекрасно. Так что на этот раз?

Попав внутрь, Рэмиэль оказался в тихом и полутемном коридоре. Мягкий и тусклый свет лился с потолка. Но Ангел и так все прекрасно видел. Он повернулся к боковой стене, где как раз заметил картину... и воздух застрял в его легких. Это было... как удар, как провидение... как огненная вспышка перед глазами.

Рэмиэль замер, жадно поглощая взглядом увиденное... цвета, линии, штрихи, фигуру... все было так четко и реалистично... все было таким живым и естественным, таким знакомым и невероятным... сделав шаг вперед, Рэмиэль подошел ближе к картине, всматриваясь в детали. Это было... невероятно! На картине был изображен Темный Ангел. Он застыл в полусидячей позе перед размытым силуэтом золотистых ворот. Обнаженный душой и телом. А протянутая рука зывала к Небу в мучительной мольбе, о которой слова не могли сказать так, как об этом говорило стенающее тело... Да, все было в чем-то слишком осязаемо, но вместе с этим слишком... правдиво. Именно так он сам когда-то молил о прощении. И не он один. Протянув руку, Рэмиэль дотронулся до стекла и провел по контурам черных крыльев. Как настоящие. Перышко к перышку...

И так он увлекся этой картиной, что не сразу обратил внимание на чьи-то шаги. Тихие, легкие, медленные. Кто-то ходил по коридору, и совсем рядом. Женщина... молодая женщина, девушка. Он знал это. Отняв от картины руку, Рэмиэль сжал ее в кулак, готовясь увидеть это смертное создание. Кто-то бродил по выставке после закрытия. Кто-то еще смотрел сейчас на эти полотна. Женщина...

Она медленно вышла из-за угла, и словно подплыла к картине в пяти метрах от него, чуть дальше по коридору...

О, Небо! У Рэмиэля во второй раз за ночь перехватило дыхание. Девушка светилась, как яркая и чистая звездочка, заточенная в прекрасную плоть. Он сделал шаг в её сторону, и она медленно повернула к нему свою симпатичную светлую головку... теряя улыбку... распахивая голубые глаза... открывая рот в истошном крике... и отступая назад, упираясь спиной в стену. Рэмиэль замер, утопая в голубизне ее неприкрытого ужаса. Нет... нет... не может быть... Она увидела его?! Увидела?!

Рэмиэль быстро переместился на улицу, на крышу этого же здания, падая на колени. И его давно остывшее сердце впервые за века ускорило ритм, пугая, по-настоящему накрывая чувствами. Впервые за столько времени... Вырвавшееся из-под контроля, горячее пламя заплясало на его коже, сжигая одежду дотла. Но это было совсем неважно. Сквозь бетонные плиты и всякий прочий материал, сотворенный людьми, он увидел ту «звездочку», которая

только что привлекла его внимание. И пусть он не впервые встречал тех, кто мог его видеть, но что-то в этой девушке было... не так.

Она кричала. Анжелика так кричала, что к ней сбежались все охранники. Кто-то посадил ее на скамейку, потом кто-то начал ее трясти, пытаясь узнать, в чем дело. А она не могла ничего вымолвить, пребывая в странном оцепенении и ощущая, как тело пробирает мелкая дрожь. Ох... Что? Или кого? Она сейчас видела? А эти глаза... Нет, это не могло быть правдой. Того, кого она видела, не могло существовать. Ей показалось. Это все ее яркое воображение. Кажется, собственные творения уже начинают ее преследовать, играя с сознанием. Слишком много сил и времени она им отдает...

– Мисс Мун! – заорал кто-то рядом, снова встряхивая за плечи. – Вы слышите меня?! Что произошло?

– А?

– Я спрашиваю, что произошло? – снова спросил охранник. – Что вас так напугало?

Лика сжала пальцы на его руках и попыталась внятно ответить:

– Простите, Том, я наверное немного устала, вот и все.

Но охранник, кажется, ей не поверил.

– Да на вас лица нет. Словно вы увидели самого Дьявола.

Лика нахмурилась. Дьявола? Нет, она видела кого-то другого. И этим кем-то был полуобнаженный мужчина. И если это ведение, то, пожалуй, стоит обратить внимание и на свои гормоны. Иначе с чего бы ей такое мерещилось, да еще с глазами, в которых бушевало пламя, затягивая, словно в бездну. И ей даже показалась, что она что-то увидела внутри этих глаз, этой бездны. Что-то, чего не осознал ее мозг, но зато успел испугаться. И на ту же секунду почудилось, что она услышала чьи-то истошные крики, которым она начала вторить. И боль. Была еще недолгая, тягучая боль. Но ведь, этого не могло быть на самом деле! Так почему же казалось таким реальным?

– Все чисто, – прошипел голос в рации охранника.

– Понял, – ответил тот, нажав на кнопку своего передающего устройства. – Мисс Мун, вы уверены, что ничего не видели? Вы точно в порядке?

– Да, конечно, – постаралась она ответить более уверенно, делая глубокий вдох, пытаясь унять дрожь и вставая со скамьи. – Все хорошо, Том. Мне просто нужно немножко отдохнуть. Я, пожалуй, поеду домой.

– Может, вам вызвать такси?

– О, нет-нет, не стоит, – даже смогла она улыбнуться, после чего мягко коснулась его щеки губами. – Спасибо вам за заботу, но со мной правда все хорошо. Я справлюсь.

Потратив еще немного времени на ее уговоры, охранник сдался и проводил ее на стоянку. Сегодня она слишком задержалась в «Модерн-холле». Но только так Лика могла спокойно побродить по выставке, вновь рассмотреть все полотна, как свои, так и других художников, которых жаловал Мистер Свон. Лишь она и картины, и тишина, пропитанная молчаливым разговором с теми, кто был по ту сторону холста.

Лика села в свой черный «Порш», завела мотор, на прощанье с улыбкой помахала мужчине рукой и, закрыв все двери, устояла на дороге. А перед глазами так и стояли красивые черты лица с переливами огня в темных глазах. Огня, который вырывался словно из самой... Нет! Это точно ее необузданное воображение.

Лика тихо застонала и уронила голову, упершись лбом в руль. Что-то не сходилось во всем ее желании воспринимать это ведение как плод обычной фантазии. Что-то было не так с ее ощущениями. Словно что-то в ней отказывалось соглашаться с таким решением. Она загля-

дывала людям в самое сосредоточие их существа, она так много знала о том, что не знали другие, чего не знал никто. И поэтому, сидя сейчас в машине, Лика начала сомневаться.

Так что же она видела на самом деле? Кто это был? И почему так быстро... исчез? Кажется, она запуталась, и была так взволнованна, что мысли о такси уже показались вполне основательными. Но домой хотелось попасть как можно скорее. Поэтому Лика подняла голову, собралась с силами, попыталась проглотить волнение и нажала на педаль газа.

Рэмиэль парил в небе, с высоты наблюдая за черным автомобилем, в котором ехала девушка. Ее звали Анжелика, Ангел – земной Ангел. Ей подходило это имя, хоть и казалось недостойным для того, чтобы его носил человек. Эта девушка вызвала в нем легкую зависть и привлекла его внимание, как никогда и ничто другое за последние века. Рэм решил ненадолго отложить свои прямые обязанности и последовать за ней. Уж слишком она его манила, чтобы можно было отвернуться и пройти мимо.

Машина остановилась на светофоре, и Рэмиэль мягко приземлился на крышу, вставая на одно колено и наклоняясь вниз, чтобы лучше рассмотреть сияние девушки. Чистое, светлое, редкое для человеческих душ. Она не была запятнана ни одним смертным грехом, лишь мелочи, присущие каждому существу, рожденному в грехе.

Для него она была щемяще отвратительна, как носитель противоположной сейчас ему природы, и заманчиво прекрасна, как человеческий женский экземпляр. Он так напугал ее, что девушка до сих пор не могла успокоиться. Но дело было не только в этом. Страх оттесняло нечто другое. Нетерпение, страсть, возбуждение. Ей очень хотелось что-то сделать.

Но было в ней что-то еще. Что-то отличало эту девушку, ее душу, от других, от многих. Рэмиэль провел пальцами по металлу, касаясь и ее, пусть издалека, пусть не явно, но для него ощутимо. Он просто дотронулся до ее сияния, почувствовав, как закололо пальцы. Болезненно и приятно одновременно. И его плоть откликнулась, заставляя отдернуть руку, которую тут же сжал в кулак, пытаясь сохранить это ощущение, но и не позволяя себе большего.

Нефилим! Понимание этого пришло внезапно, но вполне ожидаемо. Вот кем была эта девушка, и вот почему она смогла его увидеть. Она была потомком Нефилимов, и в ней текла Кровь Ангела. Ей было даровано великое благо и в то же время, великое проклятие, проклятие всех Григори – его проклятие. О, да в ней вполне могла течь и его собственная кровь, хотя, он не чувствовал этому явное подтверждение. И все же... по земле ходило не так много их потомков. И она была прямым доказательством и плодом Греха Падших Ангелов, за который они лишились Небес. Эта девушка определенно стояла его внимания.

Машина тронулась с места, и Рэмиэль взмахнул крыльями, расправляя их и поднимаясь ввысь. Он решил оставить эту девушку, но лишь ненадолго. Он обязательно вернется к ней, чуть позже. А пока, ему необходимо кое-что сделать.

Опустившись на крышу здания, Рэмиэль сложил за спиной крылья. Небо уже заволокла чернота, и лишь лунное сияние оставляло надежду там, где не светили уличные фонари. Наступило время Мрака и всех его мерзких созданий. Наступило его время. Только прежде, чем отправляться к очередному грешнику, Рэмиэль решил что-то надеть взамен сожженных штанов.

Ангел спрятал свои массивные крылья и сделал шаг, перемещаясь в центр торгового здания, где царила тишина и полумрак. Это оказался недавно построенный, роскошный и престижный магазин, где купить одежду могли себе позволить лишь обеспеченные люди или знаменитости с Голливудских холмов. Рэмиэль выбрал это место случайно. Ему не было дела до людских предпочтений, его интересовали лишь свои собственные. Четверо демонят тут же нагнали Рэмиэля, выкатываясь из пространства одной большой и любопытной кучей, сразу

прекращая очередную драку, вытягивая шеи и глаза по сторонам, на пестрые картинки и детали интерьера.

– У-у-у, – протянул Флип, – тут мы еще не были.

Рэмиэль повернулся к ним и сказал:

– Найдите мне что-нибудь взамен старой одежды.

Четверка встрепенулась и поплелась вглубь коридора, не переставая вертеть мордами. На второй план даже отошла дележка его плаща, который Чип тащил за собой по полу, как нечто забытое. Засмотревшись на вывеску бутика, где была изображена привлекательная девушка, Бабл наступил на хвост Бучу, который с писком налетел на Чипа, отчего троица повалилась мордами на кафель.

– Эй, смотри, куда прешь! – заревел Чип, прежде чем приложился зубами к полу.

Обиженный всеми, Буч повернулся к Баблу, хватая того за уши. А распластанный под всеми Чип поймал хвост Буча и раскрыл пасть, готовясь укусить остроконечный отросток. Но резкий голос Рэмиэля оборвал все их начинания:

– Хватит! Я спешу.

Отскочив друг от друга, демонята понеслись по коридору, по пути тихо разговаривая.

– А что он сказал? Я не понял, – спросил Чип.

– Он спешит, идиот, – ответил Флип, отвешивая тому подзатыльник.

И тут все разом встали, остановившись на перепутье коридоров, украдкой поворачивая к нему озадаченные морды и продолжая шептаться.

– Как это спешит? Он никогда не спешит. С чего ему вдруг спешить? – затараторил Чип.

– Я все слышу, – ответил Рэмиэль, подгоняя любопытных тварей, которые тут же сорвались с места, со сдавленными хрипами натываясь друг на друга, потому что с испугу не успели договориться, в какую сторону им бежать.

И через секунду они уже исчезли.

Надо же, он удивил своих чертей. Когда такое было? Но этому можно найти объяснение. Сейчас он удивлял даже сам себя. Что-то изменилось в нем после встречи с той девушкой. Появилось нечто вроде... нетерпения. Да, именно так называли бы это чувство люди. И это было сродни тому нетерпению, которое испытывала сейчас сама девушка. Оставив ее, он все равно был с ней, испытывая желание продолжить начатое наблюдение. Он отгородился ото всего вокруг и прислушивался только к ней. Это было для него неожиданно, хоть и отдавало горечью. Какая-то смертная, пусть и потомственный Нефилим, привлекла его внимание, чего не происходило уже несметное количество времени, но... надолго ли? Ведь даже этот интерес показался ему пустым и бессмысленным. И все же... ему стоит еще раз на нее взглянуть.

Забегав в квартиру, Анжелика на ходу начала снимать блузку и сбрасывать туфли. Она спешила в свою мастерскую. Скинув одежду, Лика по пути подхватила с кресла любимую футболку, которая свободно на ней сидела, будучи на несколько размеров больше, включила в комнате свет и подлетела к мольберту, падая на мягкий, измазанный в засохшей краске пуфик. С этой минуты для нее перестал существовать окружающий мир. Неоконченную картину, стоявшую на мольберте, сменил чистый холст, и карандаш забегал по бумаге, делая наброски и с каждым штрихом прорисовывая лицо, которое еще было живо в памяти... широкий подбородок, по-мужски чувственные губы, хорошо очерченные скулы... глаза... глаза выходили пока нечеткими, и Лика их оставила, потому что эти глаза, этот пылающий в них огонь, можно было передать только красками.

Сделав основные наброски, Анжелика нашла время для того, чтобы заварить себе чашечку горячего шоколада, который после двух глотков остался остывать на столике, среди кисточек и красок, среди использованного хлама и испачканных до пестроты тряпок.

Часы уже давно отсчитали полночь, а Лика все сидела за картиной, иногда разминая затекающую шею и руки, но упорно и старательно накладывая новые мазки, которые она смешивала в палитре. Уже давно вся перепачканная разными цветами, она даже не обращала внимания на засохшую краску, которая неприятно стягивала кожу. Это все мелочь, по сравнению с тем, что она сейчас делала. Рисование всегда было ее страстью, ее лихорадкой. И особенно, когда на нее находило такое сильное вдохновение, как сейчас. Она должна была скорее запечатлеть образ того незнакомца, которого видела, пока ничего не забылось, пока свежи в памяти все черточки и ямочки, пока живо ее впечатление.

Разжав челюсть, Лика достала изо рта кисточку, чтобы засунуть в зубы другую. Она макнула кисть в воду, потом в краску, и осторожно, задерживая дыхание, перенесла на холст. Но от напряжения рука слегка дернулась, мазнув не так, как надо. Лика отстранилась от картины, чтобы оценить ущерб – к счастью, все было поправимо. Но ей, кажется, не мешало бы отдохнуть, пока она совсем все не испортила. Повернув голову, Лика посмотрела на настенные часы – три ночи. Она рисовала весь вечер, и почти всю ночь.

Лика вздохнула, немного наклоняя в сторону голову и любуясь своим только начатым творением. С холста на нее смотрел еще недостаточно прорисованный, но очень красивый мужчина, в чьих глазах намечались огненные переливы, которые она собиралась передать игрой красок и теней. Но над этим еще стоило хорошо поработать, потому что смысл был не в самом огне, а в том, чтобы как можно правильнее передать то, что должно было отражаться в этих глазах... что-то очень темное и глубокое. А пока – главное, что она нанесла основные штрихи, которые осталось лишь закрепить, добавив больше красок и цветов.

– Все, на сегодня хватит, – сказала себе Анжелика, откладывая кисти и краски в сторону.

Она встала и прошла на кухню. Заварила себе еще одну чашечку горячего шоколада и вернулась к картине. И мысли снова закружились в размышлениях – на самом ли деле она видела этого необычного мужчину? Почему-то уже казалось, что он не был плодом ее воображения. Она его действительно видела. Это было странно, не до конца объяснимо, но не столь удивительно, чтобы обманывать себя и пытаться все опровергать. Она видела... и хотела увидеть еще раз... очень хотела... И с мыслями о том, что в ней зашевелилось какое-то необъяснимое для нее чувство, Лика стала проваливаться в сон, уже сидя на полу и обнимая мягкий пуфик...

Глава 3

Махнув крыльями, Рэмиэль встал ногами на перила широкого балкона, делая шаг и мягко спрыгивая на бетонный пол. Крылья сложились за спиной и спрятались в теле. А вслед за ним появились демонята. Не рассчитав траекторию, Чип оказался по ту сторону балкона. Заметив под собой пустое пространство, он начал кричать от ужаса, уже собираясь убежать обратно во тьму. Уже успел ступить туда одной лапой, как Рэмиэль поймал его за шкурку. За ним по цепочке, хватаясь за конечности друг друга, тут же вылетела остальная троица, повиснув в воздухе.

– Спасибо хозяин, – сказал Чип, переводя взгляд с ночного города на него и расплываясь в широченной улыбке, пока Рэмиэль перебрасывал их через перила.

– Хозяин хороший, – подлизывался Бабл.

– Да, хозяин хороший, – повторил Флип, поджимая хвост. – Он о нас заботится.

– Угу-угу, – добавил Буч с довольным хрюканьем.

Рэм отпустил их на пол балкона, не слушая и не отвечая, полностью поглощенный своими мыслями. Продолжая держаться друг за дружку, черти передали плащ Чипу, который его широко раскрыл и предложил Рэмиэлю просунуть в него руки.

– Мы тоже о нем заботимся, – прокрихтел демоненок.

Рэмиэль просунул ладони в рукава плаща, одним легким рывком набрасывая его себе на плечи. Затем накинул капюшон, надвигая на глаза так, чтобы их скрыла тень. Архангел не хотел снова пугать девушку, к которой сейчас пришел. И сделав еще шаг, он оказался в небольшой освещенной комнате, среди картин и ярких красок... и рядом с Анжеликой. Девушка сидела на полу, положив голову на мягкий табурет. Она спала. А перед ней стояла картина... Рэмиэль долго всматривался в нее, прежде чем понял, на кого был похож недорисованный мужчина. Он не видел своего отражения в зеркале, как могли его видеть люди, но он знал, что именно таким предстает перед теми «кто видит». Ему была дарована эта бессмертная плоть – грешная, порочная, голодная... безучастная. Плоть, которую он когда-то желал иметь сильнее всего остального. И именно желания привели его к падению. Сожалел ли он? А какая сейчас в этом разница?..

Рэмиэль поднял глаза к потолку, по-своему выключив свет. Три яркие лампочки в люстре последний раз вспыхнули и погасли. Но стоило комнате погрузиться во мрак, как сюда просунули морды его черти, озираясь по сторонам. Стоило Баблу заметить девушку, у него загорелись глаза, а его длинный язык вывалился наружу.

– Вау, вот это дамочка, – присвистнул Буч.

Бросив на них лишь безразличный взгляд, Рэмиэль повернул голову к девушке и подошел ближе. Она сидела рядом с мягким стулом, сложив на нем руки и опустив голову. Светлые пряди рассыпались по лицу, почти скрывая глаза. Из одежды на ней была лишь длинная футболка, перепачканная в краске, как и сама девушка. Краска была на ее руках, на ногах, на лице, и даже в уголке пухлых губ. Внимательно осмотрев ее, Рэмиэль задумался, когда последний раз он обладал таким смертным существом, упиваясь сладкими грехами? Это было так безмерно давно...

Когда-то, когда еще не существовало Тьмы, он был простым Архангелом. И у него были братья. Когда-то он был бесконечно счастлив и слышал лишь музыку Небесных сфер. Это было время бесконечной любви и покоя. А потом что-то изменилось...

Изменилось все!

И появились люди, и пришла Тьма вместе с Люцифером, и вкусила Ева запретное, и отправился его брат Азазель к людям, чтобы поделиться знаниями, и повел их за собой.

И утонули они все, сошедшие на Землю Архангелы, в своем грехе, преклонившись перед смертной женщиной. И не смогли устоять от соблазна, познав радость и печаль, и бесконечное удовольствие.

И отринул их Всевышний, оставив метаться между Небом и Землей. Они молили и просили, они стонали, но уже не слышал ни голоса свыше в ответ, ни небесной музыки.

И подобрал их Дьявол, приняв в свои лживые объятия.

И тогда предложил тот ему сделку – плоть и крылья в обмен на вечное служение.

И Рэмизель согласился. Так же, как и все остальные. И охватили его чувства – от тоски до ненависти... уныния и горести, страха и боли, когда грех выжесг внутри пустоту. А в ушах загрохотали все звуки Ада. И ни одна женщина не смогла унять его страдания.

И Рэмизель отвернулся от них, от себя, от Неба, раскинув над миром черные крылья...

Девушка зашевелилась и застонала во сне. Возле нее появился Бабл, уже от нетерпения попеременно сжимая лапы в кулачки и капая слюной с высунутого языка.

– Нельзя, – спокойно сказал ему Рэмизель, и Бабл тут же присел и поджал уши.

– Ну я только разочек. Я только лизнуть...

– Нет. Отойди от нее.

Бабл соорудил обиженную морду, что-то промямлил себе под нос, но отошел к остальным чертям, стоявшим в сторонке. Все, кроме Чипа, который чем-то гремел в соседней комнате.

Рэмизель опустился на колени возле девушки. Он достаточно рассмотрел все ее черты, и теперь хотелось их потрогать, ощутить на пальцах так, насколько он мог себе это позволить, насколько вообще мог чувствовать. Он знал, что его плоть не так совершенна, как человеческая. Он мог чувствовать, но не так, как люди. Большинство ощущений были притупленными. Он не различал запахов, не чувствовал физической боли, зато остро ощущал возбуждение и наслаждение, о которых уже давно забыл... и не помнил до сегодняшней ночи. Да, он бы хотел обладать этой девушкой, как когда-то обладал другими. Хотел бы просто утопить себя в пороке, который стал его проклятием. Но это желание, зародившись где-то глубоко внутри, так там и оставалось. Он не видел в нем смысла.

Но он мог просто прикоснуться к девушке.

Рэмизель протянул руку к ее лицу, замирая у самой кожи, ощущая нечто вроде легкого покалывания, и наблюдая, как пальцы окутывает ее светлое сияние. Но тут сбоку что-то рухнуло, и девушка вздрогнула, выскальзывая из сна. Рэмизель резко встал на ноги, бросая недвольный взгляд в сторону своих демонов. Кряхтящий Буч пытался выползти из-под свалившихся картин, Флип и Чип хихикали в стороне, а Бабл, поджав уши и обхватив лапами хвост, жалобно пискнул:

– Это не я.

А со стороны девушки послушался шумный, испуганный вдох.

Как только Лика открыла глаза, у нее перехватило дыхание. В первое мгновение она вообще ничего не поняла – что вокруг происходит? В полумраке над ней возвышалась темная фигура в длинном плаще, словно сошедшая с экрана, где показывали фильм ужасов. Спросонья она так испугалась, что даже не смогла закричать, сумев лишь сдавленно пискнуть и отползти назад. Фигура повернула к ней голову, скрытую под капюшоном плаща, и Лика заметила, как там, в темноте, вспыхнули два огонька. Все чувства замерли, а в голове возникла мысль – это ОН! Тот самый мужчина, которого она рисовала.

И они оба на секунду застыли, молча смотря друг на друга, пока перед ней не зашевелился какой-то комок, издавший тихим голосом:

– А что это с ней?

В темноте на этом комочке что-то блеснуло, и перед ее глазами возник силуэт кого-то маленького, словно карлика, с круглой головой, ручками, ножками и... рожками? Что-то неприятное коснулось ее руки... и вот тут Лика закричала, вскакивая на ноги. А в ответ ей стали вторить чужие, неестественные голоса, и по комнате словно забегала стая обезьян, снося мольберт, переворачивая стол с красками, незаконченные картины и наброски.

– Она нас видит! Она нас видит! – кричали голоса.

А Лика с ужасом смотрела по сторонам, начиная паниковать. Да ей же сейчас всю студию тут разнесут!

– Замерли! – громко сказал мужчина, и все разом стихло. – А теперь исчезли, пока я не подпалил вам шкуры.

И вдруг, стало так тихо, что Лика услышала свое дыхание и бешеный стук сердца. А мужчина все стоял напротив нее, неподвижно и молчаливо.

Она ждала, а он медлил.

Взгляд Лики постоянно бегал по комнате в попытке оценить ущерб, но то и дело возвращаясь к высокой фигуре. Только в полутьме она почти ничего не могла разглядеть, улавливая лишь неясные очертания предметов.

Наконец, мужчина повернул голову в сторону. И тут вспыхнула свеча в аромалампе, которую она иногда зажигала, и которая сейчас оказалась на полу. У Лики снова сбился пульс, когда она смогла рассмотреть ночного гостя. Перед ней стоял невероятно красивый мужчина, каких не бывает на свете, босой, в кожаных штанах, и в черном, не застегнутом плаще, надетом на голый, рельефный торс. Его голова была повернута в сторону, и капюшон скрывал лицо, лишь оставляя открытым ее взору крепкий подбородок. И этот мужчина был грешен и темен настолько, что состоял из сплошной темноты. Она не просто клубилась вокруг него, он сам был ею, и Лика отчетливо ощутила это, как и колючий озноб, пробежавший по всему ее телу. Кем бы ни был этот мужчина, она вряд ли сможет ему помочь. «Если он вообще был человеком», – промелькнуло в голове. Но ее все равно потянуло к нему, необъяснимо, пугающе, почти болезненно... так, что из груди вырвался ноющий стон, и стало трудно стоять на ногах.

Лика прислонилась к стене и дотронулась до нее ладонями, чтобы ощутить опору. И тут он повернулся к ней, позволяя увидеть глаза, в которых уже не было того огня. Теперь они были черные, холодные и пустые... на красивом лице, таком красивом, что она жадно поглощала взглядом каждую черточку. Ей захотелось скорее взять в руки кисти и краски, и продолжить рисовать, пока он здесь. Только где ж теперь в этом бардаке все это искать?

Лику сковал внезапный страх за свое творение. О, она дорожила каждым из них! Позабыв о чувстве самосохранения, Лика подбежала к своей последней картине, валявшейся на полу, и перевернула ее.

– О, нет! – вырвалось у нее.

Край холста был надорван, в центре красовался мятый след, словно на нее наступил какой-то зверек. И почти вся краска, которая не успела высохнуть, размазалась по холсту. От обиды на глаза навернулись слезы, и она прикусила губу. Теперь – это мусор, как и многое в ее комнате. Лика опустила руки и разжала пальцы, роняя картину на пол. Она повернула голову к мужчине, но его уже не оказалась на том месте, где он только что стоял, а неожиданный тихий голос возле уха заставил Лику вздрогнуть.

– Почему ты плачешь? – спросил мужчина, стоявший теперь за ее спиной.

Лика немного растерялась от его вопроса, от его близости... от всего. Но тихо всхлипнув, честно ответила:

– Из-за картины.

Не решаясь делать резких и лишних движений, Лика сглотнула и смогла только повернуть голову в сторону, чувствуя, как по щеке покатилась тихая слезинка, которую тут же пой-

мали теплые мужские пальцы, посылая по ее телу волну колючей дрожи и выбивая из груди дыхание.

– Попробуй объяснить еще раз, – сказал он, растирая между пальцами ее слезинку.

Лика уставилась на его руку, как замороженная, пропустив слова мимо ушей. И лишь одни мысли возникли в голове: «Какие у него красивые руки».

И эти руки коснулись ее обнаженного плеча, с которого сполз ворот футболки. Кожу закололо, но Лика не стала противиться этому прикосновению. Просто не смогла. Только неожиданно мужчина сам отдернул руку и сжал ее в кулак. Но лишь на секунду. Потому что затем снова коснулся ее кожи и погладил плечо.

«Зачем он это делает?» – не понимала Лика, в блаженстве закрывая глаза. Но не до конца затуманенный разум потребовал и других объяснений.

– Кто ты? – спросила она.

– Это не важно, – выдохнул он ей в затылок, потянув на себя ворот футболки.

Неожиданно по спине прошелся плотный поток воздуха, а по глазам ударила яркая вспышка света. И футболка сползла на ее руки, которыми она успела подхватить ткань.

– А! Что это!? – вскрикнула Лика от удивления, изумляясь еще больше, когда заметила, что ее практически единственный сейчас предмет одежды был разорван, а рваные края почернели и они... дымились!

От испуга Лика вскрикнула и сбросила ткань на пол, отскакивая назад и натываясь спиной на мужчину, который резко выдохнул ей на ухо и сказал:

– Не бойся. Я не сделаю тебе больно.

Но как же тут не бояться, когда его рука крепко обхватила предплечье, прижимая к своей груди, а вторая – коснулась спины и нежно погладила, проводя подушечками пальцев сверху вниз. Хотя, о каком страхе тут могла идти речь, если она млела под этими пальцами... и ее даже совершенно не волновало, что она стояла полуобнаженная рядом с таким же мало одетым мужчиной. Плевать! Плевать, что ноет где-то внутри. Плевать, что она первый раз такое кому-то позволяет. И плевать, что будет дальше. Все происходящее казалось таким верным и необходимым... И в голове что-то щелкнуло, помогая осознать, будто нечто, чему она не могла раньше найти объяснение, встало на свое место.

Рука мужчины с нажимом погладила поясницу и поднялась вверх. Потом мягко коснулась щеки, опустилась по шее и дотронулись до груди, отчего у Лики внизу живота все скрутилось в морской узел из непривычных ощущений. Она почувствовала, как обмякает в руках незнакомца. И ведь с таким доверием отдавалась на милость этим ласкам, словно знает его всю жизнь.

Как странно...

Ни одному мужчине до сих пор не удалось заинтересовать ее в достаточной степени, чтобы кому-то позволить подобное. И она даже не подозревала, что это может быть так приятно.

– Так отчего слезы? Ответь, – снова спросил он.

Лика шумно выдохнула, пытаясь произнести простые слова:

– Не помню.

Какие тут могут быть вопросы, когда его рука опустилась еще ниже, погладила живот и остановилась в самом низу, неожиданно вминая пальцы в кожу, что слишком контрастировало с ранее нежными касаниями.

– Как жаль...

– Что жаль? – спросила Лика, сразу забывая о сути вопроса.

– Что ты совсем невинна, – ответил он, убирая руку и отходя назад.

Потеряв опору, Лика пошатнулась. Но мужчина придержал ее за предплечье, медленно обходя и позволяя снова взглянуть на себя. Лика подавилась вдохом, и стало совсем трудно

дышать, когда он подошел вплотную. Ох, мамочки... за что ей такая встреча. Рядом с этим мужчиной можно было погибнуть. Просто от одного его присутствия. А уж если добавить ту тягу к нему и к его тьме, которая росла в ней с каждой минутой, то она, кажется, уже погибла. А эти глаза, в которые было больно смотреть, теперь не дадут ей покоя. И это боль была лишь слабейшим отголоском того, что таилось и зарождалось у него внутри. А она ничем не может помочь. Лике стало так жаль, что защемило сердце. Только вот, помочь кому? И стоит ли сожалеть.

– Ты ведь не человек, да? – спросила она.

– Почему так решила? – спросил он, будто в насмешку приподнимая один краешек губ.

– Я может и невинная, но не глупая до такой степени... чтобы...

Заметив, как его глаза, с интересом оглядевшие ее лицо, остановились на губах, Лика сглотнула и попыталась продолжить. Вот только, что она хотела сказать?

– Я знаю, что тебе ведомо больше, чем другим, – произнес он, убирая с ее лица тонкую прядь, а следом касаясь губ пальцами.

Ощутив внезапное и невероятно неприличное желание облизать эти пальцы, Лика лишь плотнее сжала губы. О, Боже! Совсем распустилась! Стоило только появиться перед ней мужчине с внешностью самого порочного демона из ее снов и фантазий, как она забыла обо всей своей сдержанности.

– Так кто же ты?

– Я тот, – ответил он, скользя ладонью вниз, словно пробуя ее на ощупь, и наслаждаясь этим касанием не меньше нее, – чей интерес ты привлекла.

– И какой это интерес? Ты...

Но тут Лика замялась, не зная, как сказать. В голове крутилось слово «насилие», но разве можно было сказать так о том, что он с ней делал, что делали его руки, продолжая скользить по коже и путать мысли.

– Я – что? – спросил он, кладя руку на ее щеку, когда большой палец смял губы, втирая в них приятное ощущение и посылая по телу волны дрожи. – Говори, не стесняйся. Я не тот, с кем это уместно.

– Ты пришел... изнасиловать меня?

– Вряд ли, – сказал он, мягко касаясь губами ее лба, – это будет, – потом опустил ниже и поцеловал кончик носа, – ...насилием, – закончил он, обхватывая губами губы.

И с этим поцелуем мир Лики разлетелся на куски, и она окончательно потерялась в пространстве. Этот поцелуй был теплым, мягким и немного колючим. Но такое странное ощущение все сильнее пропадало с каждым влажным напором. Уже с трудом стоя на ногах, Лика схватилась за руки незнакомца, сжимая в кулачки кожаную ткань плаща. Все, что она чувствовала, было лишь слабым отголоском того, что с каждой новой секундой давал этот поцелуй. Язык мужчины проскользнул ей в рот, а губы обхватили еще плотнее. Он облизывал, посасывал и водил языком по всему ее рту, доводя каждым движением до полуобморочного состояния. Между ног уже невыносимо саднило, а тоненькие трусики совсем промокли.

Уже поддаваясь одним желаниям и инстинктам, Лика потянулась к его шее, скользя ладошками по теплой коже, обнимая и прижимаясь к его обнаженной груди своей, так что на прикосновение отозвались соски... и мужчина, застонал ей в рот, до боли сжимая пальцы на ее бедрах. Срывая ее руки со своей шеи, он развернул к себе спиной, да с такой силой, что вышиб из тела весь воздух. Если бы не его крепкая хватка, от головокружения Лика рухнула бы на пол.

– Только есть одно «но» – я не «насилую» невинных девушек. И уж точно не собираюсь допускать, чтобы они «насиловали» меня.

Лика положила ладонь на свой лоб, пытаясь вернуть себе чувство равновесия. Какой кошмар! С ней такого еще никогда не было, и еще никогда она так не вела себя рядом с мужчиной. Но и никогда не ощущала такого влечения, такой правильности во всем происходящем.

Сейчас в ней было странное понимание того, что она всегда ждала этой встречи. Да, был страх, но он находился лишь в самом конце ее списка всех чувств. Была тревога, но такая необъяснимая, что невозможно было понять ее причины. И вроде бы из-за того, что с ней сейчас происходит, и словно... словно каким-то странным образом внутри нее все ныло, отзываясь на ЕГО боль. Она чувствовала ее, но так, словно та была многократно сжато, и ей доставалась лишь мельчайшая частичка. И так хотелось ему помочь...

– Все эти картины, они твои? – спросил незнакомец и потерся носом о ее затылок, пока его руки крепко сжимали бедра.

– Да, – выдохнула она.

– Они прекрасны, – сказав это, он поцеловал ее в плечо и стал медленно опускаться на колени, скрипя кожей штанов и плаща, скользя руками по ее телу и целуя, кажется, каждый сантиметр на пути своих губ, – Как и ты, Анжелика, – добавил он, целуя бедро, когда его колени опустились на пол по обеим сторонам от ее ступней.

О-о-ох... мамочки! Она сейчас точно лишится чувств. Да что же он с ней такое делает!? Сердце уже стучало где-то в районе горла, и не просто стучало, а выдавало барабанную дробь. Запустив пальцы в ее трусики, он потянул их назад, и ткань тут же вспыхнула. Лица ойкнула, но вопреки всем законам физики, огонь ее не обжег, а лишь коснулся потоком воздуха, при этом сжигая ткань. Но незнакомец не дал ее время, чтобы спокойно удивиться этому явлению. Отбросив сожженный кусочек ткани, он продолжил водить губами по ее коже, опускаясь руками по ногам, которые едва держали. И уже не выдерживая такого напряжения, Лица стала медленно оседать.

Сжав ее талию, мужчина стал придерживать Лику, помогая осторожно встать на колени, и прижал к своему телу так, что спина коснулась его голой кожи. И его губы снова оказались возле ее уха.

– Как интересно... я уже очень давно ничего подобного не ощущал, – тихо сказал он, поглаживая ее живот и проскальзывая пальцами между ног.

Лица ахнула от нахлынувшей волны непривычных и ошеломляющих чувств, цепляясь за его руку. Когда он вдруг произнес:

– Если не возражаешь, я приду к тебе, когда ты будешь не так невинна.

Хоть и с трудом соображая, но Лица прекрасно понимала, о чем он говорил, но не вполне поняла, почему именно он не хочет лишиться ее этого, как вдруг оказалось, недостатка. Она сейчас была готова, как никогда, и она хотела этого именно с ним, что совершенно не казалось бредом. При всей своей доброте и приветливости Лица плохо сходилась с людьми и избегала любых контактов с мужчинами, вплоть до паники, когда некоторые из них начинали напирать. Ей даже советовали посетить сексолога, намекая на то, что с ней было не все в порядке. И ведь действительно было не все в порядке. Только теперь она понимала почему. Она ждала именно этого человека, или кем бы там он ни был, не важно, ведь и она имела свои странности. И вопреки всем случайно брошенным предположениям, у нее оказалось совсем не низкое либидо. Пусть даже ее истинной страстью всегда оставалась живопись, которой отдавала все силы, всю энергию и эмоции. Но, это было до сегодняшней встречи...

– Я возражаю, – сдавлено ответила она, откидывая голову ему на плечо и переставая ощущать все вокруг, кроме его теплых пальцев в своих складочках. – Я не хочу потом, я хочу сейчас.

– Прости, мой Ангел, но сейчас я не так много могу тебе дать. Лишь могу продолжить то, что начал, для тебя. Хочешь?

Лица смогла только выдохнуть короткое «Да», лишь бы он не уходил и не останавливался.

Раздвинув свои колени, он заставил последовать его примеру, давая ей возможность откинуться на него спиной и расслабиться на крепком теле, пока его пальцы скользили по ее влажности, натирая до невыносимого ощущения необходимости в чем-то очень важном...

необходимости в этом мужчине. Перехватив руку Лики, он опустил их ладони к ее промежности, направляя и слегка проталкивая два пальчик внутрь жара. И она застонала, открывая рот, чтобы глотнуть воздуха, и куда тут же заполз его палец, позволяя с удовольствием сомкнуть на нем губы. Она еще никогда подобного не делала, но уже смело шла на любые эксперименты, особенно, если учесть, какими приятными они оказывались. Все, что она где-то видела и знала о сексе, теперь воплощалось в самых ярких картинках. Одна его рука сжала ладонь, управляя ее движениями на самом краешке ее лона, когда вторая – не вытаскивая изо рта палец, стиснула подбородок. И его дыхание опалило щеку, прерывистое и срывающееся, и губы коснулись ее влажным поцелуем.

Уже не понимая, на каком небе находится, Лика задвигала бедрами навстречу их рукам, безумно желая чего-то большего, уже не ощущая ни капли страха, ни толики сомнений, ни даже окружающего пространства. Она тихо стонала в его руку, царапая кожаные штаны на его ноге, до которой могла дотянуться. А в такт движениям Лики, об ее ягодички стали неугомонно тереться его бедра, вминая в нее выпирающую твердость, когда его рука давила спереди, бесстыдно помогая себе и ей, пока он не перехватил инициативу, начиная напирать и заставляя двигаться вместе с ним. Лике казалось, что она сейчас не выдержит всех ощущений, которые разрывали тело. Их было слишком много. И слишком сильными они были.

– Какая порочная невинность, – прошептал его голос, переходя на недовольный рык: – Откуда же ты такая взялась?

Он резко и чуть дальше протолкнул в нее их пальцы, задевая чувствительную точку над складочками. Губы прошли по щеке, оставляя мятый влажный след. И с ноющим стоном он выговорил слова, которые она едва расслышала:

– Ты убиваешь меня... своим телом и светом...

И в этот момент ее напряжение, достигнув невыносимого пика, разлетелось на кусочки чистого блаженства. Лика неосознанно укусила его за палец, чувствуя, как импульсивно сжимаются стенки ее лона. Она была готова лишиться чувств от переизбытка эмоций, обмякая на крепком теле.

Но незнакомец не дал ей спокойно утонуть в этом блаженстве, резко нагибая и толкая ее на пол, до боли вжимая бедра в пол своими, ерзая и напирая, когда она и так едва дышала.

– Что за проклятье... – позвучало резкое слово возле ее уха. – Как же я жажду твою плоть...

Он зарылся носом в ее волосы на затылке, прошелся губами по основанию шеи, скользнул к плечу и с нажимом, почти с болью, прикусил зубами в своеобразном поцелуе. А перед лицом Лики в пол ударила ладонь, вспыхивая языками пламени, которые поползли по руке, лишь облизывая кожу.

– О, Боже... – выдохнула Лика.

– ОН тебе уже не поможет, – прохрипел голос. – И мне уже никто не поможет...

Лика даже не успела испугаться, как вдруг, ослаб напор горячего тела, лежащего на ней. Пропала и его ладонь перед ее глазами, после которой остались лишь танцующие спирали черного дыма.

Он исчез.

Незнакомец исчез, оставив ее едва живую, неспособную ни мыслить, ни двигаться, и даже что-то чувствовать. Лика еще никогда не ощущала себя такой аморфной. Что же такое с ней сейчас произошло?..

Но когда вернулись чувства, накатила такая тягучая и невыносимая тоска, что внутри все сжалось, будто его боль осталась вместе с ней, заглушая все приятные ощущения, которые она только что пережила. Перевернувшись на бок, Лика прижала к груди ладонь, пытаясь унять разгулявшиеся чувства, и ощущая, как по щекам стекают соленые капли. Поджимая к себе ноги, она свернулась в комочек боли, ЕГО боли, и, наконец, ощущая, какой липкой стала

кожа после его прикосновений. Его тьма оставила на ней свои следы. Но она не чувствовала отвращения в этот раз, как бывало раньше. Она чувствовала жгучее сожаление, что ничем не может помочь.

И постепенно к ней стало возвращаться трезвое сознание, проясняя мысли. Но боль не утихала, она лишь свернулась внутри нее, найдя себе уютное местечко, и оставив о себе напоминание в виде горечи. Такое с ней было впервые, как и все, что тут сегодня происходило.

Вопросы! Вопросы! Вопросы! Они атаковали ее, как свора голодных и диких котов. Кто же этот незнакомец? Зачем он приходил? Почему ушел? Когда же вернется, и когда она снова сможет его увидеть? Почему не овладел ею? И что вообще происходит?! Кем же была та дикая и рогатая стайка «обезьян»? И что же ей теперь делать с испорченными картинами?

Оглядев комнату, Лика застонала. Вокруг было все плохо... очень плохо. В ее студии царил полный бардак, какого еще не знала эта комната при всей одержимости и порой невнимании ее хозяйки к мусору. Хотя, и не все было так безнадежно, кое-что осталось целым. Только вот...

Смахнув с глаз слезы, Лика подползла к холсту, на котором сегодня пыталась запечатлеть своего незнакомца, и на который было страшно смотреть. Картина было испорчена безвозвратно. Но как же так! Она должна нарисовать его портрет, ей **НУЖЕН** этот портрет. Она хотела смотреть на его лицо бесконечно. Если этого не желал позволять ей сам незнакомец, у нее, хотя бы, будет изображение, как его частичка. Это казалось ей таким жизненно необходимым, что Лика поднялась на ноги, вернула на место мольберт, поставила на него чистый холст, отыскала карандаш и, даже не заботясь об одежде, снова села рисовать знакомые черты.

И не важно, что она устала. Не важно, что в комнате не горит свет, которого ей вскоре станет достаточно с улицы, где уже пробивались первые лучи солнца. Как и не важно, что хочется плакать, даже выть от тоски. И совсем не важно, что ей ни капельки не стыдно после того, что она позволила постороннему мужчине... нет, он уже не был посторонним... и никогда им не был. Он был тем, кого признали ее душа и тело как кого-то родного и необходимого. И она нарисует его портрет, и не для кого-нибудь, а для себя. Но пока карандаш скользил по бумаге, в голове Лики продолжали крутиться вопросы: «Ей показалось, или он назвал ее по имени?.. И как же зовут... ее незнакомца?..»

Глава 4

Он горел. Он полыхал факелом в самом сердце адского пекла, и пекло полыхало внутри него. Едва убрав руки с кожи девушки, Рэмиэль бросился в Ад, где ему было самое место, и где мог свободно спустить с цепи свою сущность – свой внутренний, неудержимый огонь. Его плоть, подаренная ему лишь для наслаждения и разврата, не горела. Она просто невыносимо ныла, и никакое пламя не могло выжечь из него это ощущение всепоглощающей нужды, которая заставила упасть на колени, опустить голову в раскрытые ладони и закричать в унисон с отвергнутыми душами.

Грядут перемены... Как масштабно звучали эти слова, эхом прокатываясь по всем закоулкам Ада. И как остро он сейчас ощутил на себе их смысл. Похоже, перемены пришли и к нему.

Как много веков он не знал такого влечения. Вечность? Или вообще никогда? Эта девушка... одним своим появлением она нарушила весь обыденный ход его существования. Ему не стоило поддаваться такому соблазну. Слишком велик он оказался. Ее чистота манила, ее свет убивал, а ее плоть скручивала его в тугой узел от безумной, безмерной необходимости в ней.

Анжелика... прекрасна, чиста, необычна... идеальна!

Такая невинная и такая готовая дать ему то, в чем он нуждался, без страха и сожаления, прекрасно чувствуя его тьму. Мало того, откликаясь на нее, понимая его природу... это было совсем не то, что он когда-то знал. Это было чем-то большим, слишком огромным, чтобы осознать сразу и привычно среагировать. И это случилось тогда, когда он думал, что уже ничто в мире неспособно его взволновать. И случилось почти так же, как когда-то первый, плотский Грех, который навеки стал его проклятием, увлек в свои сети, поглощая и не оставляя права для спасения.

Но Рэмиэль не просто возжелал эту девушку, она стала непомерной, сильнейшей потребностью, с первого взгляда, с первого касания, с первого стога в его губы, раскрытые для нее. И каким же невыносимым препятствием оказалась невинность этой девушки. И не только ее Свет, уже давно забытый, такой тягучий, обволакивающий, болезненный, манящий и желанный, был тому причиной. Рэмиэль просто не имел права прикасаться к такому непорочному созданию. И не с него должен был начаться этот ее Грех. Он мог только наслаждаться теми, кто его уже познал, без любви, без чувств, кто был запятнан перед Небом так же, как и он. Таково было условие его сделки, навязанное Дьяволом, словно в насмешку. Он не мог прикасаться к Свету, он мог только наблюдать за ним издалека, но зато свободно купался в пороке, топя в нем как себя, так и то прелестное создание, которое окажется на его пути.

О, Небо! Его проклятье, как никогда прежде, показалось ему сейчас самой настоящей адской мукой. Но он уже слишком давно со всем смирился, и уже давно для него все потеряло смысл. Так стоит ли сейчас поддаваться очередному искушению? Нет...

Пламя побежало по телу Рэмиэля, затухая от пят и собираясь в ладонях, где туго сжавшиеся пальцы оборвали его последний танец.

Нет смысла, нет цели, нет надежды... и остается только на миг закрыть глаза и открыть их с закатом, чтобы вслед за тьмой снова раскинуть крылья над миром порочных и добродетельных душ, где теперь для него отчетливо и ярко светила лишь одна из них.

Уже третий холст полетел в дальний угол. Кусая губы, Лика смотрела на четвертое белое полотно, не решаясь к нему прикасаться. У нее больше не получалось нарисовать своего незнакомца. Почти те черты, почти то лицо, и все же... только почти. Ей нужно отвлечься и отдох-

нуть. Она слишком спешила и спала всего пять часов, после чего снова села за мольберт. За окном солнце уже опускалось за горизонт, обещая погрузить комнату во мрак, где странным образом в одну ночь перегорели все лампочки, о которых у нее не было времени позаботиться сегодня днем.

Она едва нашла время очистить студию от мусора, не переставая удивляться необычным следам, которые сейчас были хорошо видны даже на потолке. Кажется, те маленькие обезьянки наступили в краску и обтоптали ей всю комнату разноцветными мазками. Это было даже забавно и любопытно, потому что она терялась в догадках, кому бы могли принадлежать эти следы. Лика решила их оставить, как напоминание об этой ночи, которое позволяло ей верить, что все происходящее не было сном.

Сном...

С мечтательной улыбкой Лика закрыла глаза и прикоснулась к своим губам, вспоминая, как к ним дотрагивались нежные пальцы. Она облизнула губы, пытаясь пробудить пережитые ощущения. И от этой попытки по ее телу прокатилась приятная дрожь, отзываясь внизу живота тягучим, ноющим желанием почувствовать все это снова. Лика опустила туда руку, сжимая пальцы так же, как сегодня ночью там сжимались пальцы незнакомца... как вдруг, внезапный и резкий звук грубо прервал ее мечтания. Взвизгнув, Лика свалилась с пуфика, бросая возмущенный взгляд на разрывающийся мобильный, который вибрировал и мигал на том месте, где она только что сидела.

– Да, – ответила она своему менеджеру.

– Лика, милая, ты где?

– Эм... я дома, – честно ответила она, сразу же вспоминая, зачем именно ее об этом спрашивает Бетси.

– Что?! А почему ты еще дома? Я звонила тебе час назад, и ты сказала, что уже почти выходишь.

Лика посмотрела на настенные часы, где на стекле красовались два сине-зеленых следа. Неужели они разговаривали час назад? А ей показалось, что максимум прошло минут пятнадцать. Впрочем, стоило ей зайти в студию, как время для нее замедляло ход.

– Правда?

В трубке послышался вздох:

– Ты рисовала?

– Да, – призналась она. – Прости.

– Нет, не извиняйся, это хорошо, что ты рисовала, но сейчас ты нужна здесь. Может, мне за тобой заехать?

– Ой, нет, не стоит, я уже собираюсь, а ты лучше пока отвлечки мистера Свона, – ответила она, поспешив подняться на ноги, чтобы направиться в ванную комнату.

– И чем же?

– Скажи ему, – мечтательно ответила она, останавливаясь и закрывая глаза, чтобы снова вспомнить черты красивого лица, – что меня задержал самый настоящий и прекрасный Темный Ангел, которому требуется моя помощь.

– Ну да, который вылез из твоей картины, и ты решила вернуть ему Небеса, – усмехнулась Бет. – Конечно, мистер Свон мне обязательно поверит и еще спросит имя твоего Ангела, на которого ты променяло его общество...

Имя...

Как жаль, что она его не знает. И как странно – а почему она подумала о своем незнакомце, как о Темном Ангеле? Он ведь больше похож на Демона, который скитается по миру, соблазняя невинных девушек, как самый порочный Инкуб. Разве что... она решила так из-за его боли, несоизмеримой ни с чем, и которая бывает только у Ангелов. Уж кому как не ей знать об этом.

– Анжелика! – оборвал ее мысли голос Бетси. – Ты тут?

– Да.

– Мистер Свон устроил этот вечер в твою честь. Он очень взволнован твоим отсутствием, и первые гости уже о тебе спрашивают. Лика, милая, ты должна быть здесь, а не там. Давай, я все-таки приеду.

Лика вздохнула и сдалась на милость своего менеджера:

– Ладно, Бет, приезжай.

– Вот и славно, у тебя есть полчаса на то, чтобы собраться, – быстро ответила та, отбивая звонок.

Поправляя на себе халат, Лика поежилась. Она не любила подобные общественные мероприятия, особенно в ее честь, где много людей и слишком много внимания. Если бы не мистер Свон, она бы до сих пор рисовала свои картины для себя и скромного числа зрителей, что ее вполне устраивало. Именно этот мужчина показал ее картины всему миру и предложил продавать их частным лицам. Но и тут Лика мало на что могла пожаловаться, иначе не было бы у нее такой возможности помогать стольким людям, скольким она помогала сейчас, как материально, так и во всех других отношениях.

Еще год назад она жила в северной части Лос-Анджелеса в скромном домике своего дяди, где у нее была одна небольшая комнатуха. Там она спала и там же рисовала, тратя на краски и холсты почти все свои деньги, которые ей присылала блудливая мать.

Мать...

От этого слова щемило сердце. Лика помогала чужим людям, но так и не смогла помочь своей матери. Она просто не знала, где ее искать и как к ней приехать. Та лишь изредка звонила, отсылая ей чеки из разных уголков земного шара. Лика уже почти забыла родные черты, так давно мать оставила ее, объяснив свои мотивы одной фразой:

– Ты делаешь мне больно.

Чем? Как? В пятнадцать лет Лике было еще сложно это понять. Как и то, почему внутри матери постоянно клубилась тьма, если Лика все время пыталась ее стереть. Ответы пришли позднее – мать просто не хотела, чтобы ей помогали.

Дядя же относился к ней со всей добротой, только считал немножко странной. Он восхищался ее талантом, но порой не знал, как реагировать на ее одержимость живописью. Он был глубоко верующим католиком, служил Богу и Церкви, воспитывал ее в строгости, и очень нервничал, когда она рисовала демонических существ. Поэтому, порой старался отвлекать ее и подавлять весь творческий потенциал. Хотя, сам часто смотрел на ее картины с Ангелами, поистине испытывая трепет и восторг. Лика видела это в его глазах. Но именно он привел ее к мистеру Свону, который дал ей свободу для творчества и возможность совершать благие поступки. Так она оказалась в центре событий и города, где жила сейчас в небольшой квартире с отдельной студией, о чем мечтала всю свою сознательную жизнь.

Оставив телефон на тумбочке, Лика вышла на балкон, где с высоты семнадцатого этажа просматривался прекрасный вид на горизонт. Солнце садилось, обещая ей надежду на новую встречу, ставшую теперь самым главным желанием в ее жизни. Она больше не задавала себе безответных вопросов, она просто решила ждать и довериться своему сердцу, как делала это всегда. А сердце подсказывало, что нет ничего важнее того, что происходит с ней сейчас, как и нет никого важнее ее незнакомца, который обязательно к ней вернется. У Лики в этом не было никаких сомнений, ведь он был тем, кого она всегда ждала... и искала, вглядываясь в калейдоскоп лиц и рисуя Ангела за Ангелом, Демона за Демоном...

Лика подошла к перилам балкона и посмотрела вниз. Там искрился и гудел Лос-Анджелес... Город Ангелов... город ее Ангелов.

Ну что ж... мистер Свон слишком много для нее сделал, чтобы она заставляла его волноваться. Поэтому Лика ушла с балкона, закрыла его стеклянные двери и направилась в ванную комнату.

Нежась под струями теплой воды и мечтая о своем незнакомце, Лика даже не представляла, что в это время происходит в ее квартире...

...в мастерской завибрировал и заискрился воздух. Потрескивая ало-желтыми искрами, пространство преломилось, и из этого излома выпрыгнули четыре демоненка.

– И где она? – нетерпеливо спросил Бабл.

Восемь пар лап торопливо прошлепали к двери. Взобравшись на Чипа, Флип схватился за ручку и осторожно приоткрыл ее, от усердия вываливая на бок темный язык. Четыре морды просунулись в щель, обшаривая взглядом просторную гостиную.

– Вода шумит, – заметил Буч, смотря в сторону спальни, где находилась ванная комната.

– Все за мной, – сказал Флип, спрыгивая на пол.

И черти дружно посеменили за своим сородичем. Но уловив по дороге знакомый запах, Чип вспомнил, что в прошлый раз тут кое-что недоел. Он остановился и развернулся в сторону холла. Остальная троица подошла к двери ванной. И тут Буч заметил, как его лапы лизнула полоска яркого света, просачивающаяся через щель. Реакция последовала незамедлительно – взвизгнув от страха, Буч прыгнул на Бабла, крепко обнимая задними лапами за торс, а передними – за голову, закрывая тому глаза. Баблу это так не понравилось, что он начал порывивать, стараясь отлепить от себя Буча.

– Идиот! Отвались от меня... – зашипел демоненок, не замечая, как искажает слова, которые нахватался от людей.

– Тихо вы, мелкие ушлепки, – зашипел на них Флип.

Только любые слова уже были бесполезны. Два чертенка сцепились в драке, покотившись кубарем по полу, сверкая зубами и когтями. Проводив их строгим взглядом, Флип заметил отсутствие Чипа и вытянул шею, пытаясь понять, куда тот делся. Откуда-то доносилось громкое чавканье.

– Опять чего-то жрет... ррр...

Недовольная морда снова повернулась к ванной... и тут резко открылась дверь, впечатывая Флипа в стену...

Лика выбежала из ванной. Она так торопилась, что в сумерках сразу не заметила в своей спальне постороннего присутствия, пока под ноги не выкатился странный комок... и этот комок еще рычал... и шевелился!

– А-а-а!

Закричав, она отскочила назад, но обо что-то спотыкнулась и упала попой на пуфик. Комок замер и... нет, ей не показалось... но он начал кричать вместе с ней. О, Боже! Что это? Глаза, уши... рожки? А это что, хвост?

Положив руку на бешено стучащее сердце, Лика всмотрелась в необычных существ. Хотя, самым необычным являлось лишь то, что они были... настоящими, живыми чертенятами, каких она иногда рисовала. И эти чертенята, казалось, были напуганы не меньше нее.

Ох-ох, не может быть...

Но за первым потрясением последовало второе...

– Что вы тут забыли? – услышала она уже ставший знакомым, такой красивый, спокойный голос, из-за которого сердце вновь понеслось вскачь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.